

Ограничимся еще только одним замечанием. В главе о современных диалектах автор не учитывает русской научной литературы (очевидно, по той или другой причине ему недоступной) о новогреческих говорах в СССР. Поэтому некоторые его утверждения, взятые лишь из одного источника, оказываются неточными. Так, например, нуждается в уточнении вывод на стр. 133: «Мариупольский греческий язык, кроме того, совершенно утратил родительный падеж и выражает принадлежность посредством конструкции, созданной по татарскому образцу, например: *spiti—t porta* (дверь дома), *tata—t tu spit* (дом его отца)»². Во-первых, наряду с названной конструкцией в румейских говорах сохраняются и собственно синтетические формы родительного падежа, как, например: [нйхтас — плий] «птица ночи, ночная птица» (—сова), где [нйхтас] — род. от [нйхта] «ночь» или [алунй пэтра] (каменный валик для молотбы), где [алунй] — род. пад. от [алон] «ток, гумно». Таким образом, наречие «совершенно» в приведенном выше утверждении следует вычеркнуть. Если конструкция [спити — т порта] принадлежит сарганскому говору, то ее следует интерпретировать несколько иначе, а именно: [спити т (у) порта], т. е. * [спити (у) то порта], где * [спити (у)] — род. от [ту спит]. Во-вторых, можно было бы утверждать, что в известной мере в румейских говорах утрачен «безместоименный» (без притяжательных суффиклируемых местоимений) именительный падеж существительных; так, например, форма [татас] «отец» воспринимается теперь говорящими на этом языке не как просто им. п. ед. ч., а как им. + суффикс второго лица ед. ч., т. е. [тата — с] «твой отец», ср. [тата — м] «мой отец», [тата — т] «его отец» [тата — ц] «ее отец» и д. т., так что прежнее «татас» в результате фонетического совпадения с [тата — с] включается в иную парадигму. Само собой разумеется, что подобные мелочи ни в коей мере не портят общего благоприятного впечатления от аннотированной нами книги.

А. А. Белецкий

BYZANTINISTISCHE BEITRÄGE HERAUSGEGEBEN VON
J. IRMSCHER, REDAKTION G. HANSEN.
Gründungstagung der Arbeitsgemeinschaft Byzantinistik
in der Sektion Mittelalter der Deutschen Historiker-Gesellschaft
vom 18. bis 21.IV.1961. in Weimar. Berlin, 1964¹.

С 18 по 21 апреля 1961 г. в Веймаре проходила конференция немецких византистов, в которой принимали участие также болгарские, румынские, чехословацкие и некоторые другие византиноведы, конференция, положившая начало рабочей группе по византистике при секции медиевистики Немецкого исторического общества. Труды этой конференции были опубликованы в Берлине в 1964 г. Входящие в «Византистические очерки» доклады охватывают широкую тематику, ставят новые вопросы или трактуют сложные проблемы византиноведения, давно возбуждающие интерес историков.

Выступавшие на конференции византилисты освещали в своих докладах в первую очередь вопросы византийской историографии², некоторые вопросы источниковедения³, византийской филологии⁴, проблемы византийского искусства⁵, религиозной

² Ссылка на М. В. Сергиевского («Мариупольские греческие говоры». — «Известия АН СССР», ООН, 1934, стр. 533—587).

¹ Издатель этого труда И. Ирмшер следующим образом разъясняет свое понимание терминов *византийский* и *византистический*, противопоставляя его представлениям некоторых других историков: «Dagenen meine ich, sollte man zwischen byzantinisch und byzantinistisch unterscheiden. . .» «bezeichnet byzantinisch das, was zu Byzanz, byzantinistisch dagegen das, was zur Byzantinistik gehört» (S. 10).

² R. Dostálová-Jeništová. Jacob Paleologus, S. 153—173; E. Stănescu. Die Anfänge der Byzantinistik und die Probleme Südosteuropas im 16. Jahrhundert, S. 373—397; H. Herz. Schiller und die Byzantinistik, S. 33—40. Выступления общего характера и историографические обзоры: E. Werner. Worte der Einführung, S. 1—7; J. Irmischer. Was heißt und zu welchem Ende studiert man Byzantinistik? S. 9—31; Schlußwort, S. 459—462; D. Angelov. Die Entwicklung der Byzantinistik in Bulgarien in den letzten fünfzehn Jahren, S. 429—441; A. Dostál. Zur Organisation der byzantinistischen Arbeit in der Tschechoslowakei, S. 443—448; J. Werner. Byzantinistik in Leipzig, S. 449—453.

³ F. Winkelmann. Die Beurteilung des Eusebius von Cäsarea und seiner Vita Constantini im griechischen Osten. Ein Beitrag zur Untersuchung der griechischen Hagiographischen Vitae Constantini, S. 91—119; B. Zástěrová. Zu den Quellen zur Geschichte Wolhyniens und der Duleben im 6. Jahrhundert, S. 231—238.

⁴ G. Ch. Hansen. Prosarhythmus bei den Kirchenhistorikern Sozomenos und Sokrates (Resime), S. 139; V. Beševliev. Die Volkssprachlichen Elemente in den Redepartien bei Theophanes und in den Akklamationen bei Konstantin Porphyrogenetes, S. 141—151; D. Hadzis. Was bedeutet «Monodie» in der byzantinischen Literatur? S. 177—185.

⁵ L. Richter. Fragen der spätgriechisch-byzantinischen Musiktheorie, S. 187—230; P. H. Feist. Byzanz und die figurale Kunst der Merowingerzeit, S. 399—411; K. Onasch. Zum Problem der Ästhetik in der altrussischen Ikonenmalerei. S. 413—427.

жизни в Византии⁶, Болгарии⁷ и на Руси⁸, эпоху Юстиниана⁹ и взаимоотношения Византии с различными странами — с Испанией¹⁰, Добруджей¹¹ и Русью¹².

В докладе Е. Стенеску «Начала византистики и проблемы Юго-Восточной Европы в XVI в.» рассматривается деятельность представителей наиболее раннего периода историографии византийской истории, устанавливается ее связь с политическими отношениями в Европе, в первую очередь с положением на Балканском полуострове. Автор характеризует различные направления византистики XVI—XVII вв. Он обращает внимание на то, что среди греческих историков XVI в. имелись как противники, так и сторонники сотрудничества с завоевателями-турками. И те и другие видели в Османской империи продолжение Византийской, однако для одних эта наследница византийского прошлого была ужасной и враждебной, для других — представляющей высшую власть и вполне приемлемой. Автор устанавливает связь этих направлений с политическим положением в Юго-Восточной Европе и соответствующими политическими представлениями. Он указывает на то, что если у писателей, оставшихся в пределах Османской империи, преобладает православие, то в среде греческих эмигрантов наряду с ортодоксией получает распространение и католицизм. История Византии привлекала исключительное внимание немецких гуманистов. Иероним Вольф, Якоб Понтан и другие придавали громадное значение империи Габсбургов в борьбе против турецкой опасности, они ставили перед германскими императорами задачу осуществить единство христианского мира; при этом изучение греческой истории должно было содействовать борьбе против Османской империи¹³. Цели и задачи византистики XVI в. диктовались условиями политического положения, сложившегося в этот период на Балканском полуострове, в Восточной Европе и в Средиземноморском бассейне.

Выступление Е. Стенеску значительно расширяет представления византистов о раннем этапе научного изучения истории Византии. Вместе с тем многие аспекты этого вопроса требуют дальнейшего исследования.

Кроме немецких гуманистов об истории Восточного Средиземноморья и Балканского полуострова много писали итальянские историки: эти области были постоянной сферой торговой активности итальянских республик, в первую очередь Венеции и Генуи. Из поля зрения автора совсем выпали Страмбадьи, Флорио Бустрон, Стефан Лузиньян, Фольетта и некоторые другие, в произведениях которых византийская проблематика занимает очень важное место.

Одному из греческих эмигрантов XVI в. посвящен доклад Р. Досталовой-Еништовой «Яков Палеолог», в котором рассматриваются различные вопросы его биографии и мировоззрения. Другие выступления по историографии носят по преимуществу обзорный характер.

* * *

Из докладов на филологические темы может быть отмечено выступление Д. Хадзиса «Что означает «Монодия» в византийской литературе?» Термин *μονωδία* автор находит у Аристофана и Платона. Он употреблялся в значении «пение одного (лица)» и «пение-жалоба». Если автор не доказывает своего мнения о том, что первое из этих значений является древнейшим, то его утверждение об изменении значения этого термина до XII в. вполне обоснованно. В XII в. монодия представляла собой один из жанров византийской литературы. Монодии писались по случаю смерти отдельных лиц, обычно — важных особ, и составлялись по определенному плану. Византийцы сочиняли монодии как в связи с отдельными происшествиями, так и по случаю важных исторических событий. Монодии, отмечает автор, погибли вместе с Византийской империей, после 1453 г. они уже не встречаются. Д. Хадзис не ставит вопрос о связи монодии с соответствующим литературным жанром за пределами Византийской империи. Армянская историческая элегия как литературный жанр очень близка византий-

⁶ M. Rienischneider. Heidnische Götter in christlichem Gewande: die Löwen-heiligen, S. 81—90; F. Lilienfeld. Das Typikon des Neilos Damilas — ein Zeugnis des gemäßigten «sinaitischen» Hesychasmus, S. 359—372.

⁷ M. Loos. Zur Frage des Paulikianismus und Bogomilismus, S. 323—332.

⁸ K. Rose. Byzanz und die Autonomie-Bestrebungen der russischen Kirche in der Zeit vom 10. bis 15. Jahrhundert, S. 191—232.

⁹ H. Evert-Kappesowa. Antonine et Bélisaire, p. 55—72; R.-M. Seyberlich. Die Judenpolitik Kaiser Justinians I, S. 73—80.

¹⁰ H. Ditten. Beziehungen zwischen Spanien und dem byzantinischen Bereich im Mittelalter (6—15. Jahrhunderte), S. 257—290.

¹¹ St. Ștefănescu. Byzanz und die Dobrușcha in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts, S. 239—255.

¹² O. Jurewicz. Aus der Geschichte der Beziehungen zwischen Byzanz und Rußland in der zweiten Hälfte des 12. Jahrhunderts, S. 333—357.

¹³ Вне внимания румынского историка остался наиболее знаменитый из немецких гуманистов — Ульрих фон Гуттен, неоднократно обращавшийся к византийской истории и истории стран Юго-Восточной Европы.

ской монодии и, по-видимому, развивалась во взаимодействии с ней. Историческая элегия в Армении продолжала существовать в XVI и XVII вв.¹⁴ Поэтому если монодия как специфическая разновидность византийской литературы исчезает вместе с падением империи, то соответствующий литературный жанр в более широком смысле продолжал жить и в последующие столетия.

Проблеме славянской письменности посвящено выступление чехословацкого историка И. Курца «Византийско-славянская основа в «Житиях» Константина и Мефодия (Характеристика кирилло-мефодиевской эпохи)»¹⁵. Докладчик в первую очередь выясняет факторы, обусловившие широкое распространение церковнославянского языка и церковнославянской культуры. «У славян, принявших ортодоксальную веру, — говорит автор, — это была прежде всего принадлежность к византийскому христианству и к византийской церковной организации» (S. 121). «В качестве следующего фактора действовала при этом государственная организация» (там же). Этому содействовали общие жизненные условия славянских народов, географические и экономические отношения, «одним словом, все условия национальной и международной жизни» (S. 122). Большое значение придает автор церковнославянскому языку, широко распространенному среди славянских народов и понятному славянам. Включение в орбиту культурного влияния Византии давало значительные возможности для развития национальной культуры славян, чего они были бы лишены в системе «римского централизма» (S. 122—123).

Говоря о церковнославянском языке, докладчик не отмечает исторических особенностей его формирования, расцвета и упадка. «Он был действительно своим, повсеместно понятным и всеми признанным инструментом, — пишет он об этом языке времени Константина и Мефодия, — он имел общеславянский характер и остался единым также в более поздние эпохи» (S. 122). Этот язык оказывается как бы внеисторическим явлением как раз для эпохи своего формирования. «В основу переводов Константина и Мефодия лег, конечно, хорошо знакомый им солунский славянский диалект»¹⁶, — писал Л. Якубинский. В IX в. диалектные местные новообразования ограничивались отдельными территориями и не распространялись на обширные пространства¹⁷. Только в дальнейшем, в особенности в произведениях учеников Кирилла и Мефодия, церковнославянский или старославянский язык, обогащаясь словами других славянских языков, отрывается от своей солунско-македонской основы и получает общеславянский характер.

Поставив вопрос о византийско-славянской основе в «Житиях» Константина и Мефодия, И. Курц выдвинул ту важную проблему, которая уже изучается историками разных стран, в том числе македонскими.

Затем докладчик обращается к вопросу об отношениях восточной и западной культуры, точке зрения на Запад, выраженной в «Житиях». Он считает заблуждением видеть глубокую противоположность византийской и западной культуры IX—X вв. «В действительности, — говорит И. Курц, — мы еще не можем представить себе византийскую культуру той эпохи без связи с культурой Запада». В заключение своего доклада чехословацкий ученый делает следующий вывод: «Это было время, когда связь и взаимная деятельность Запада и Востока еще не были прерваны, когда противоречия еще могли быть преодолены и сглажены, время, которое в определенной степени представляет синтез обоих направлений». Выступление И. Курца отличается разносторонним подходом к рассматриваемой теме¹⁸.

* * *

Одной из сложнейших проблем византийского искусства посвящено выступление Л. Рихтера «Вопросы позднегреческо-византийской музыкальной теории. Исследование византийской музыки». Докладчик характеризует историографию проблемы и указывает при этом на несостоятельность точки зрения (А. В. Амброс), оценивающей византийскую музыку как явление упадка (S. 18). Он указывает на то, что если к настоящему времени изданы многие произведения византийской музыки, раскрыта и разработана система нотных знаков, то совсем мало исследованы произведения византийских музыкальных теоретиков (S. 190). Историк-музыковед и обращается к этой малоизученной теме.

¹⁴ П. М. Хачатрян. Средневековые армянские исторические элегии (XIV—XVII вв.). Автореф. канд. дисс. Ереван, 1966.

¹⁵ J. Kurz. Der Byzantinoslavische Hintergrund in der Vita Constantini und der Vita Methodii (Charakteristik der Kyrillomethodischen Epoche), S. 121—137.

¹⁶ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 83. См. также: М. Малецкий. Najstarszy literacki język słowian. Kraków, 1947, str. 22 in.

¹⁷ Ф. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 226.

¹⁸ Хорошо зная богатую научную литературу о Кирилле и Мефодии, публикующуюся в Чехословакии, автор использует далеко не всю болгарскую литературу; см.: А. Паунова, А. Кирмагова. Кирилл и Методий. Библиография на българската литература. София, 1963.

Доклад П. Х. Файста «Византия и фигурное искусство меровингской эпохи» посвящен истории искусства у германцев и влиянию Византии на его развитие. Автор дает объяснение переходу от нефигурного орнаментального декоративного искусства германцев времени великого переселения народов к фигурному, этому своеобразному повороту, начинающемуся в меровингский период и завершающемуся в эпоху «Каролингского Возрождения». Он указывает, что специфические особенности искусства народа объясняются не мистическими понятиями его национального характера, а общественными отношениями и их историческим развитием (S. 390—400). Он отмечает также, что в меровингский период постепенно накапливались те количественные изменения форм изобразительного искусства германцев, которые в последующую эпоху привели к существенному сдвигу или взрыву, создавшему новые художественные формы выражения. В количественном накоплении новых явлений византийскому искусству принадлежала значительная роль (S. 401 ff.).

Известный знаток русской иконописи К. Онаш выступил с работой «К проблеме эстетики в древнерусской иконописи». Автор трудов по истории религии и русской иконописи, издатель репродукций русских икон, многие из которых им опубликованы впервые, К. Онаш в своем выступлении ставит вопрос об эстетике древнерусской живописи. Автор говорит о красках и их эффекте, о пропорциях, перспективе, ритме и пространстве в иконах. К. Онаш ограничивается характеристикой технической стороны древнерусской иконописи.

* * *

Доклад М. Лооса «К вопросу о павликианстве и богомилстве» посвящен важнейшей проблеме, возбуждающей постоянный интерес. Автор оперирует известными византийским источниками и историческими фактами, но при этом он выделяет некоторые специфические аспекты проблемы и дает ряд общих формулировок и выводов. Он по-иному освещает генезис взглядов павликиан, по-видимому не соглашаясь с распространенной среди византийцев точкой зрения¹⁹. «Проповедуемое ими «истинное» христианское учение — вопреки неоднократным утверждениям церковной полемики — не имеет ничего общего с манихейством, но связано в своем существенном содержании с маркионизмом» (S. 326). Следует, однако, заметить, что в учении Маркиона и в манихействе много близких составных элементов, и на основании определенной общности маркионизма и павликианства нельзя сделать обоснованный вывод об отсутствии всяких связей последнего с манихейством. Автор говорит о большей последовательности богомилства в его социальном протесте в сравнении с павликианством (S. 328); интересен вопрос о том, каким образом эта социально-политическая последовательность богомилов выражалась в их дуалистическом учении: «У богомилов дуализм стал выражением действительного отрицания мира и господствующего в мире порядка» (S. 328). У павликиан он был только средством установления различия и противоположности между ними и ортодоксальной церковью.

Ф. Лилленфельд, исследователь истории церкви в России, является автором работы «Типик Нила Дамилы — свидетельство об умеренном «синаитском» исихазме», в которой доказывается существование в Византии наряду с известным и распространенным «паламитским» исихазмом умеренного исихазма.

* * *

В некоторых докладах рассматривается история юстиниановской эпохи. Работа польской византистки Г. Эверт-Капшесовой «Антонина и Велизарий», написанная автором совместно с В. Цераном и С. Висьневским, посвящена частному вопросу. В исследовании брак Велизария и Антонины отнесен к 527, а не к 531 г., как считали раньше (S. 56—58), отмечается содействие Антонины Велизарию в его руководстве византийской армией (S. 58 f), выражаются сомнения в правильности некоторых сообщений Прокопия Кесарийского об интригах Антонины против Велизария и его генералов (S. 67 f). Точка зрения Прокопия находит объяснение в его недовольстве действиями Велизария, который, имея большую популярность, отказывался выступать против Юстиниана (S. 70).

Следует отметить выступление Р.-М. Зейберлих «Еврейская политика императора Юстиниана I». Особенное внимание автор обращает на 146-ю новеллу Юстиниана. «Известно, — говорит Р.-М. Зейберлих, — что антиеврейское законодательство императоров Феодосия II и Юстиниана возникает на основе теологических мотивов. . .» (S. 73). Можно, однако, полагать, что религиозные мотивы не являлись при этом единственными.

¹⁹ В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, т. 1, ч. 2. София, 1927, стр. 555; И. Пастухов. Българска история, т. I. София, 1945, стр. 302; S. Runciman. The Medieval Manichee. A Study of the Christian Dualist Heresy. Cambridge, 1947; С. Мелик-Бахшиян. Павликианское движение в Армении. Ереван, 1955, стр. 31 и сл.

Важное место на конференции заняли вопросы внешней политики Византии. Румынский историк Ш. Штефанеску поставил малоизученный вопрос о взаимоотношениях Византии и Добруджи, сложившейся как независимое княжество во второй половине XIV в. Г. Диттен в своем выступлении «Отношения между Испанией и византийским миром в средневековье (VI—XV вв.)» дает общий обзор истории политических отношений иберийских княжеств с Византией. Польский византист О. Юревич сделал доклад по IV главе своей книги об Андронике I, опубликованной в 1962 г.²⁰

Конференция в Веймаре и ее труды представляют собой продолжение замечательных традиций немецкой византистики. Труды конференции отличаются разносторонностью тематики, широкий круг используемых источников и постановка целого ряда сложных теоретических вопросов.

Г. Дмитриев

²⁰ O. Jurewicz. *Andronik I Komnenos*. Warszawa, 1962.